

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1891.

№ 8.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ. (Второе чтеніе Преосвященнаго *Амеросія*, Архіепископа Харьковскаго, въ собраніи С.-Петербургскаго Братства Пресвятыя Богородицы 9-го апрѣля 1891 г.) 467—512

Очеркъ православнаго Церковнаго права (продолженіе). Профессора *М. А. Остроумова* (въ особомъ приложеніи) 129—144

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Самооправданіе или самообвиненіе? (Отвѣтъ князю С. Трубецкому и редакціи «Православнаго Обозрѣнія») Свящ. *Т. Бутневича* 309—334

Самосознаніе и личность. Профессора Казанской Духовной Академіи, *В. А. Снегирева* 335—359

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Содержаніе. Отчетъ о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамотности Харьковской епархіи за 1890/91 учебный годъ (окончаніе).—Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губерн. Правленія, Петровскій пер., д. № 16.
1891.

САМОСОЗНАНИЕ И ЛИЧНОСТЬ.

Въ періодъ полной организаціи душевной жизни всякій нормальный человѣкъ, какъ извѣстно, представляетъ себя особымъ существомъ, рѣзко отдѣленнымъ отъ всего, его окружающаго, которое кажется ему находящимся внѣ его и обступающимъ его со всѣхъ сторонъ. Въ то же время онъ чувствуетъ непосредственно и сознаетъ себя центромъ, источникомъ и носителемъ силы, которая направляется на внѣшнее, измѣняя его самыми разнообразными способами и, въ свою очередь, испытывая различныя измѣненія подъ вліяніемъ этого внѣшняго. Изъ такого представленія и непосредственнаго сознанія себя у него образуется особое состояніе внутреннее, неизмѣнно и постоянно присущее въ томъ или другомъ видѣ въ каждый моментъ его сознательной жизни, сопутствующее каждому его измѣненію, дѣятельности, вообще, всѣмъ другимъ его состояніемъ. Оно называется самосознаніемъ и осуществляется въ идеѣ «я», или личности, которая предполагаетъ другую идею—не-я, личнаго и безличнаго внѣшняго. Обѣ эти идеи неразрывно связаны другъ съ другомъ, одна другую предполагаютъ, производятъ и уясняютъ. Но мы выдѣлимъ первую въ отвлеченіи и рассмотримъ ее отдѣльно.

Словомъ «я», которое во всѣхъ языкахъ, по мнѣнію филологовъ, есть звуковой жестъ, замѣняющій указаніе на себя, напр., рукою и производимый при помощи вдыханія особаго рода, концентрирующаго звукъ въ полости рта и направляю-

чаго его какъ бы внутрь говорящаго. словомъ «я» обозначается собственно весь человѣкъ, со всѣми свойствами его духовными и физическими, со всѣмъ содержаніемъ и строемъ его жизни и дѣятельности. Но въ то же время означаемое словомъ «я» оказывается не тождественнымъ со всѣмъ человѣкомъ и со всѣмъ содержаніемъ его жизни: оно является, напротивъ, основою и носителемъ этой жизни, ея производителемъ, субъектомъ и средою всѣхъ ея проявленій и измѣненій. Всякая сознаваемая душевная и физическая дѣятельность, какъ и вся ихъ совокупность, потому, сознается, представляется и мыслится какъ нѣчто принадлежащее этому «я», какъ его проявленіе, состояніе, дѣятельность: «я», такимъ образомъ, является какъ бы владѣльцемъ всего состава душевнаго и тѣлеснаго. Само оно кажется и остается простымъ и единымъ при всѣхъ самыхъ сложныхъ и разнообразныхъ своихъ состояніяхъ и дѣятельностяхъ, а также всегда однимъ и тѣмъ же, всегда себѣ равнымъ, или тождественнымъ, при всѣхъ самыхъ глубокихъ измѣненіяхъ внутренней и тѣлесной жизни, съ самаго начала и до конца ея.

Въ виду такого отношенія «я» ко всему содержанію душевной жизни, ко всему человѣку вообще, также и особенно въ виду его неизмѣнности, постоянства, единства и тождества среди всѣхъ безчисленныхъ измѣненій и превращеній въ душевной и тѣлесной жизни, огромное количество психологовъ въ прежнее время и весьма многіе въ настоящее видѣли усматриваютъ въ самосознаніи и идеѣ «я» прямое и непосредственное воспріятіе духомъ или душою человѣческой своей метафизической, феноменальной сущности, лежащей въ основѣ всѣхъ явленій душевныхъ и ихъ производящей, въ концѣ-концовъ. Потому на явленіи сознанія и свойствахъ идеи «я», или просто—«я», главнымъ образомъ основывались и основываются отчасти доселѣ такъ называемыя доказательства бытія и субстанціальности души человѣческой. Но въ послѣднее время явился цѣлый рядъ изслѣдованій явленія самосознанія и личности—«я» со стороны психологовъ феноменалистическаго и, главнымъ образомъ, матеріалистическаго направленія, — въ которыхъ этотъ простой взглядъ разру-

шается и отвергается, повидному, на основаніи очевидныхъ фактовъ опыта. Идея «я» оказывается возникающею постоянно, какъ въ другія идеи о внутреннемъ и внѣшнемъ (чего, впрочемъ, не отрицаютъ и психологи); по своему составу она оказывается не только сложною, но одвою изъ самыхъ сложныхъ: единство личности, сознаваемое въ этой идеѣ — есть единство сложной ассоціаціи, единство организованнаго агрегата, какихъ много въ душевной жизни—слѣдовательно—иллюзія; притомъ же это единство постоянно нарушается особенно при болѣзненныхъ разстройствѣхъ, — личность удваивается, утрачивается и т. п.: тождество личности, данное въ ея идеѣ—есть тождество отвлеченія, или общаго понятія, объединяющаго въ себѣ все сходное во всѣхъ душевныхъ состояніяхъ и естественно олицетворяемое.—слѣдовательно, опять иллюзія, и весьма часто нарушается и разрушается въ болѣзняхъ, когда человѣкъ забываетъ всю свою прошлую жизнь и сознаетъ себя другимъ существомъ. Изъ всего этого дѣлается выводъ, что идея «я»- личности не только не есть непосредственное воспріятіе лежащей въ основѣ душевной жизни особой духовной сущности и не доказываетъ бытія ея: но прямо говоритъ противное и дѣлаетъ эту сущность ненужною и излишнею.

Эти два противорѣчивые взгляда на природу личности и ея идеи представляютъ собою крайности, заключающія каждый долю истины. Они, потому, могутъ быть и должны быть примиримы и въ этомъ видѣ дать правильное и строго научное пониманіе этого замѣчательнаго и единственнаго въ мірѣ явленія. Дѣйствительно, съ одной стороны, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что самосознаніе развивается постепенно, что идея личности—«я» слагается изъ многихъ состояній и сложна, что существуютъ явленія раздвоенія и, вообще, мультипликаціи личности, также явленія ея превращеній въ другую: по этимъ не нарушается единство и тождество личности, и не устраняется необходимость признавать въ идеѣ ея самооткрытія духа, въ его существѣ, какъ неизмѣнной, единой и себѣ всегда равной субстанціи, только что самооткрытіе не есть прямое, непосредственное и простое воспріятіе, а ско-

рѣе необходимый выводъ и постулатъ сознанія. Это мы и постараемся, по возможности, разъяснить и доказать въ своемъ изложеніи психологической теоріи идеи личности. Изложеніе этой теоріи представляетъ большія трудности, потому что самое начало самосознанія и первыя основы идеи личности совершенно ускользаютъ отъ внутренняго наблюденія. Когда это наблюденіе становится возможнымъ, — идея «я» и личности готова уже и обусловливаетъ самое наблюденіе внутреннее. За недостаткомъ собственнаго внутренняго опыта, и наблюденіе надъ другими, — въ данномъ случаѣ надъ дѣтьми, — оказывается тоже лишнимъ опоры по самому своему существу, потому что наблюденіе надъ другими, какъ намъ извѣстно, есть только видоизмѣненіе самонаблюденія, и безъ этого послѣдняго невозможно. Такимъ образомъ, ученіе объ основномъ и первоначальномъ происхожденіи самосознанія и идеи «я», по необходимости, получаетъ видъ ряда предположеній, гипотезы, которая, при этомъ, допускаетъ повѣрку только непосредственнымъ сознаніемъ каждаго (и истинность которой съ очевидностію, — теперь по крайней мѣрѣ, — доказана быть не можетъ).

Представленіе о себѣ, о своей личности, о своемъ я, какъ о чемъ то особомъ, отдѣльномъ отъ всего окружающаго не дается человѣку прямо и непосредственно, и не есть простое, неразложимое состояніе. Не смотря на свою кажущуюся простоту, оно состоитъ изъ многихъ элементарныхъ духовныхъ дѣятельностей и, какъ образованіе каждой сложной идеи, представляетъ собою длинный и сложный процессъ, который, вслѣдствіе постепеннаго повторенія и сдѣянія различныхъ частей, получаетъ возможность возникать моментально. Исторію его образованія въ общихъ чертахъ можно представить слѣдующимъ образомъ

Первоначально, въ первые моменты жизни, человѣкъ ничего не знаетъ ни о себѣ, ни о вѣншемъ мірѣ, его окружающемъ, и никакъ не представляетъ себя, тѣмъ болѣе, что у него вообще нѣтъ еще никакихъ представлений. Онъ смутно сознаетъ рядъ смѣняющихся состояній ощущенія и отчасти различаетъ ихъ между собою — и только. Но мало по малу онъ начинаетъ

различать ощущенія, постоянно присущія организму, отъ ощущеній смѣняющихся. Къ ощущеніямъ постояннымъ относятся по преимуществу ощущенія мускульныя, къ смѣняющимся — всѣ остальные. Какъ извѣстно, мускульныя ощущенія, или мышечное чувство, не оставляетъ насъ ни на одну минуту въ теченіе сознательной жизни. Имъ сопровождаются не только всѣ движенія организма и его различныхъ частей, но и всѣ, повидному, пассивныя состоянія его, различные виды покоя — стоянье, лежанье, сидѣнье. Благодаря ему, мы ощущаемъ, чувствуемъ весь свой организмъ и знаемъ, непосредственно чувствуемъ каждую часть его. Мы, вслѣдствіе привычки, не обращаемъ на него вниманія и не сознаемъ его присутствія; но когда производится усиленное движеніе, какою-нибудь частію организма или всѣмъ организмомъ, также, когда мускулы той или другой части тѣла при лежаньѣ, сидѣньѣ стояньѣ и т. п. напрягаются въ одномъ направленіи и утомляются, чувство это возникаетъ со всею отчетливостію. Дитя, конечно, ничего не знаетъ объ организмѣ своемъ и его частяхъ, не представляетъ себѣ ни формы, ни положенія ихъ, но тѣмъ не менѣе оно, при помощи мускульнаго чувства, чувствуетъ его и смутно сознаетъ присутствіе въ немъ частей. Къ мышечному чувству, которымъ сопровождаются безъ исключенія всѣ другія ощущенія, органы которыхъ всѣ окружены мышечною тканью, и изъ нея отчасти построены, присоединяются еще другія, хотя болѣе измѣнчивыя, чѣмъ мускульное, но тѣмъ не менѣе постоянно присущія, — ощущенія, сопровождающія процессъ дыханія, совершающійся безостановочно, процессъ кровообращенія, процессъ питанія, нервнаго усилія и вообще нервной дѣятельности. При смѣнѣ и разнообразіи всѣхъ другихъ состояній, они остаются постоянно и всегда съ однимъ характеромъ не только въ извѣстный моментъ, но и въ теченіе всей жизни индивидуума, измѣняясь только въ силѣ, напряженіи. При такомъ характерѣ своемъ, естественно, они скорѣе всѣхъ другихъ состояній воспринимаются и сознаются какъ по преимуществу намъ принадлежащія, какъ наша собственность. — потому несомнѣнно служатъ исходнымъ пунктомъ, основой и самою первою формою,

первымъ моментомъ нашего знанія о себѣ. Не измѣняясь въ теченіе всей жизни существенно, они также служатъ началомъ связывающимъ наше прошлое съ настоящимъ, одинъ періодъ нашей жизни съ другимъ,—служать опорой такъ называемаго тождества нашего сознанія.

Къ ощущеніямъ постояннымъ присоединяются, далѣе, ощущенія, которыя не отличаются постоянствомъ, смѣняются часто другъ друга, но въ то же время сопровождаютъ каждый процессъ въ организмѣ, каждое состояніе всѣхъ органовъ чувствъ и притомъ съ однимъ и тѣмъ же характеромъ. Это—ощущенія пріятности или непріятности, здоровья или болѣзни. Особенно непріятныя возбужденія и болѣзненные чувства разнаго рода заставляютъ живое существо сосредоточивать на себѣ вниманіе и чувствовать свое бытіе, свою особность. Къ этому же разряду смѣняющихся, но постоянныхъ и неизмѣнныхъ, по своему характеру, состояній сознанія относятся періодически возобновляющіяся и тоже сопровождающіяся чувствомъ пріятности и непріятности такъ называемыя органическія или естественныя потребности—голода и жажды, потребность сна, движенія и покоя, также процессы выдѣленія изъ организма.

Ощущенія постоянныя, т. е. мышечное или мускульное чувство, и ощущенія, сопровождающія безостановочно совершающіеся процессы дыханія, кровообращенія и пр.; ощущенія мѣняющіяся, но постоянно сопутствующія въ той или другой своей формѣ всѣ другіе состоянія и процессы,—пріятность и непріятность и боль; ощущенія, сопровождающія періодически возбуждающіяся потребности и ихъ удовлетвореніе—всѣ эти ощущенія соединяются въ одно общее, всегда темное и неопредѣленное чувство бытія, общее всѣмъ животнымъ. Ощущенія внѣшнихъ органовъ чувствъ на первыхъ порахъ жизни не относятся ни къ чему внѣшнему и являются по преимуществу съ характеромъ пріятныхъ или непріятныхъ и тоже входятъ въ составъ этого темнаго, неопредѣленнаго чувства. Къ этому комплексу ощущеній органическихъ и внѣшнихъ, насколько они сознаются какъ процессы совершающіеся въ организмѣ, процессы пріятныя и непріятныя,—къ этому комплексу, собственно говоря, всегда и относится мѣсто-

имѣніе я, хотя въ него впоследствии входятъ много другихъ элементовъ. Этотъ комплексъ и есть постоянный и неизмѣнный субъектъ или подлежащее всѣхъ нашихъ дѣятельностей, потому что со всѣми ими стоитъ въ постоянной связи, всѣми ими вызывается по закону смежности, со всѣми ими существуетъ одновременно, какъ фонъ картины со всѣмъ, что на ней изображается.

Съ развитіемъ организма до способности къ произвольному движенію и органовъ чувствъ до способности къ опредѣленнымъ воспріятіямъ съ явленіемъ въ соответствіе съ этимъ, болѣе организованности внутреннихъ процессовъ у ребенка,—общее чувство бытія усложняется новыми элементами, съ тѣмъ же характеромъ постоянства и неизмѣннаго присутствія сознанія: наступаетъ новый, слѣдующій, второй моментъ въ развитіи самосознанія. Переимѣняя, по желанію, мѣсто, двигая по собственному произволу руками и другими частями организма, приближая къ себѣ одни предметы и удаляя другіе, осматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, поднимая тяжести и т. п., дитя начинаетъ опять смутно сознавать въ себѣ центръ силы, которая находится въ немъ при всякомъ измѣненіи его положенія, которую оно какъ бы носитъ въ себѣ и съ собою. Къ этому сознанію, которое при первомъ возникновеніи, какъ новое и въ первый разъ являющееся, должно отличаться особенною силою и живостію, присоединяется постепенное знакомство съ своимъ организмомъ, постепенное образованіе представленія о своей фигурѣ. Представленіе это образуется, съ одной стороны, при помощи зрительныхъ воспріятій различныхъ частей организма, въ связи съ мышечнымъ чувствомъ въ данной, воспринимаемой зрѣніемъ, части и съ осязательными ощущеніями отъ нея; съ другой—подъ вліяніемъ воспріятія фигуры другихъ людей, особенно фигуры дѣтей. Представляемая теперь общія очертанія собственнаго тѣла, образъ его вступаетъ въ постоянную связь съ мышечнымъ чувствомъ всего тѣла, съ сознаніемъ присутствія силы измѣнять положеніе тѣла и побуждать разнаго рода сопротивленія, также съ другими, описанными ощущеніями постоянными, которыя теперь локализируются или помѣщаются въ опредѣленныхъ, со-

ответствующихъ частяхъ организма. Образъ этотъ становится тоже постоянно присутствующимъ въ сознаниіи и, какъ болѣе опредѣленный, превращается постепенно въ главный центръ сложной ассоціаціи постоянныхъ и періодически возникающихъ состояній, объединяетъ ихъ собою, даетъ имъ опредѣленную форму, помещеніе. Послѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ и многочисленныхъ опытовъ въ этомъ родѣ, періодъ которыхъ не одинаковъ у различныхъ субъектовъ, — что зависитъ отъ природной талантивости и обстановки, — вся описанная ассоціація получаетъ особенную прочность и постепенно уясняется. И вотъ, наступаетъ, наконецъ, моментъ, когда ребенкомъ видятъ ясно и отчетливо свой организмъ, какъ нѣчто отдѣльное отъ всего его окружающаго, сознаетъ, что этотъ организмъ его собственность, что это — онъ самъ. Долго подготовляемый, моментъ этотъ наступаетъ вдругъ и моментально, со всею опредѣленностію и отчетливостію, какъ это часто можно наблюдать во всѣхъ сферахъ душевной жизни, гдѣ образуются очень сложныя дѣятельности. Его можно сравнить съ пробужденіемъ взрослого человѣка отъ глубокаго сна въ совершенно незнакомомъ мѣстѣ, или съ неожиданнымъ освѣщеніемъ темнаго и мало извѣстнаго пространства. Дѣйствительно, въ этотъ моментъ вдругъ и неожиданно все окружающее ребенка какъ бы освѣщается со всѣхъ сторонъ, и онъ, въ первый разъ, видитъ себя въ центрѣ этого окружающаго резко и отчетливо ограниченнымъ и отдѣленнымъ отъ него, тоже какъ бы освѣщеннымъ. Подобнаго рода состояніе неожиданнаго пробужденія и испытаніе совершенно новаго положенія, естественно, должно производить глубокое, потрясающее впечатлѣніе. Уже въ силу этой своей напряженности, оно не можетъ быть продолжительнымъ, особенно, если принять во вниманіе еще неполное развитіе и слабость всѣхъ силъ духа. За первымъ пробужденіемъ опять наступаетъ погруженіе въ прежнее безсознательное состояніе на болѣе или менѣе продолжительное время. Какъ-будто блескъ молніи прорывається въ этомъ случаѣ на вѣскольکو мгновеній мракъ, въ которомъ до того находился ребенокъ, освѣщаетъ окружающее и его самого, и затѣмъ мракъ опять спускается. Но въ это

мгновеніе тѣмъ не менѣе совершается великій переворотъ въ субъектѣ: животный индивидуумъ превращается въ человѣка, и зарождается разумный свободный духъ, способный теперь къ безконечному развитію и совершенствованію. Переворотъ этотъ, едва доступный описанію при помощи разнаго рода сравненій и метафоръ, есть самое таинственное и непостижимое изъ всѣхъ явленій бытія, и только для людей поверхностныхъ или ослѣпленныхъ предубѣжденіемъ онъ кажется чѣмъ то очень простымъ, понятнымъ и объяснимымъ изъ постепеннаго осложненія душевныхъ дѣятельностей. На самомъ дѣлѣ это осложненіе ровно ничего не объясняетъ и само по себѣ не можетъ, конечно, произвести совершенно новаго и качественно отличнаго отъ всѣхъ другихъ душевныхъ дѣятельностей состоянія, какимъ является, несомнѣнно, самосознаніе... Разъ явившись, различеніе себя. — «я» — отъ внѣшняго скоро и легко затѣмъ возникаетъ при благоприятныхъ условіяхъ вновь, по общимъ законамъ воспроизведенія всякаго душевнаго состоянія, разъ сформировавшагося, начинаетъ являться потомъ все чаще и чаще, становится привычною и едва замѣчаемою и создаваемое постоянно дѣятельностію и состояніемъ духа. Съ тѣмъ мѣстѣмъ все яснѣе и яснѣе отдѣляющійся отъ человѣка внѣшній міръ, становящійся для него все болѣе и болѣе чужимъ, вызываетъ въ немъ, именно, въ силу этого отчужденія, глубокій интересъ и любопытство: возникаетъ стремленіе узнать его, стремленіе, которое заставляетъ ребенка осматривать каждый предметъ, пытаться его всѣми чувствами, обращаться къ взрослымъ съ постоянными вопросами и т. п. Это, необходимо являющееся за первымъ пробужденіемъ самосознанія, любопытство и интересъ къ внѣшнему міру у нѣкоторыхъ личностей сохраняется на всю жизнь, увеличивается, становится сознательнымъ и вызываетъ потомъ активное изслѣдованіе и изученіе явленій міра: но большинство уже въ дѣтствѣ и во всякомъ случаѣ въ зрѣломъ возрастѣ теряетъ это чувство интереса и любопытства, свикается съ отчужденіемъ отъ внѣшняго и погружается снова въ полуживотное состояніе, въ какомъ было до перваго пробужденія самосознанія. Глубокое впечатлѣніе, производимое на душу первымъ актомъ пробужденія

самосознанія сказывается въ жизни каждой человѣческой личности тѣмъ, что моментъ пробужденія со всею его обстановкою, ближайшими обстоятельствами его вызвавшими, навсегда сохраняется въ памяти и ясно представляется. тогда какъ вся жизнь до этого момента и довольно продолжительный періодъ послѣ, совершенно почти исчезаетъ изъ памяти. Это воспоминаніе изъ ранняго дѣтства чаще связывается съ какими-нибудь крупнымъ событіемъ въ жизни дитяти, — съ потерей любимаго предмета или существа, наприм., испытаніемъ сильной радости и удовольствія; но нерѣдко — это бываетъ совсѣмъ мелкое и ничѣмъ незамѣчательное событіе, состояніе, дѣйствіе.

Въ періодъ описаннаго пробужденія самосознанія и долго послѣ, собственная личность человѣка, его «я» отождествляется всецѣло съ организмомъ, видимымъ носителемъ всѣхъ измѣненій субъекта страдательныхъ и дѣятельныхъ. Его «я» — это его собственное тѣло, съ которымъ онъ теперь познакомился, тѣло, присутствіе котораго онъ непосредственно чувствуетъ и сознаетъ, которое онъ осязаетъ и видитъ и образъ, представленіе котораго постоянно и неизмѣнно связываетъ со всѣми состояніями и измѣненіями, тѣмъ болѣе, что этотъ образъ тѣсно связанъ съ суммою постоянныхъ состояній сознанія въ формѣ неизмѣнно присущихъ мышечныхъ и органическихъ ощущеній. Но мало по малу физическое лицо, тѣло со всѣми его свойствами и особенностями начинаетъ отступать на задній планъ, и центръ тяжести самосознанія переносится въ процессы духовные высшаго порядка и въ ихъ постоянныя свойства, хотя и организмъ тѣлесной или образъ — представленіе его навсегда остается въ составѣ идеи личности и исчезаетъ изъ него на время только на высшихъ степеняхъ отвлеченнаго созерцанія своей личности, созерцанія, котораго могутъ достигать только весьма немногіе люди. Само собою понятно, что также навсегда остается въ сознаніи «я», какъ его эмпирическія основы, комплексъ постоянныхъ ощущеній, изъ коего складается главнымъ образомъ чувство бытія. Это перенесеніе совершается постепенно и начинается, по всей вѣроятности, сосредоточеніемъ вниманія на различіи между дѣйствительными воспріятіями, опытами и событіями жизни,

волненіями, желаніями и дѣйствіями: и ихъ внутренними отображеніями, воспоминаніями и представленіями. Последнія, какъ извѣстно, по самой своей природѣ отличаются меньшею яркостію, чѣмъ первыя. всегда ихъ блѣднѣе и слабѣе и потому легко узнаются и сознаются человѣкомъ какъ, — оставшіяся въ немъ навсегда, въ качествѣ его собственности, въ качествѣ содержанія его собственной личности. — слабды и отображенія дѣйствительности: на ихъ совокупности и сосредоточивается теперь вниманіе въ актахъ самосознанія. Они отдѣляются въ сознаніи какъ нѣчто внутреннее, отличное отъ физическихъ измѣненій тѣла. объединяются (этимъ самосознаніемъ) въ одно цѣлое, какъ составныя части нѣкоторой внутренней организаціи, какъ содержаніе особаго внутренняго бытія, отличнаго отъ тѣла. Сознаніе это сначала необходимо бываетъ смутнымъ и неопредѣленнымъ: но оно постепенно проясняется, по мѣрѣ осложненія и организаціи внутреннихъ процессовъ въ различныя внутреннія дѣятельности, и входитъ въ составъ идеи «я», какъ постоянный ея элементъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ къ сознанію присутствія въ себѣ физической силы и возможности разнообразныхъ ея обнаруженій въ движеніяхъ, присоединяется постепенно чувство и сознаніе присутствія постояннаго силы духовной и возможности разнаго рода внутреннихъ дѣйствій или операций, памяти, воображенія, соображенія и обдумыванія, волненія, желанія, рѣшенія и внутренняго успія и т. п. Операции эти сознаются, благодаря постояннымъ опытамъ, какъ постоянная готовность, возможность своего возникновенія при благопріятныхъ условіяхъ, т. е. какъ особаго рода способности или силы внутреннія, существующія до сего обнаруженія. Субъектъ мало по малу начинаетъ сознавать себя постепенно, какъ агрегатъ и связку этихъ способностей, съ ихъ различными свойствами и степенями силы, которыя опредѣляются путемъ сравненія съ подобными же свойствами другихъ людей. Съ образованіемъ идеи добра и зла и накопленіемъ дѣйствій, осуществляющихъ и нарушающихъ нравственный законъ, къ этому агрегату (идеальному) присоединяется сознаніе такихъ или другихъ нравственныхъ качествъ: мало-по-малу человѣкъ начинаетъ, со-

зная себя и пропуская слово «я», разумѣть подъ нимъ свое внутреннее существо, съ его опредѣленнымъ содержаніемъ и опредѣленными его силами. Постоянно повторяясь въ этой высшей формѣ, самосознаніе приводитъ человѣка къ мысли, что внутри его, въ основѣ находящихся въ немъ постоянно отображеній прошлой и настоящей дѣйствительности, въ основѣ его силъ и способностей внутреннихъ находится особое начало, особая субстанція, отличная отъ тѣла, управляющая имъ и его носящая, какъ одежду. Идея «я» превращается въ идею души, въ образъ ея, въ которомъ концентрируется и объединяется все содержаніе внутренней жизни, въ формѣ какъ отображенія всей прошлой жизни, такъ и въ формѣ возможностей или способностей къ разнаго рода внутреннимъ дѣятельностямъ. Теперь идея тѣла и его свойства примыкаетъ только къ образу души, какъ второстепенная часть ассоціаціи, составляющей полную идею «я» или личности. Съ большею или меньшею опредѣленностью и ясностію этотъ составъ идеи личности, образующейся окончательно въ зрѣломъ возрастѣ, существуетъ необходимо у всѣхъ людей, на какой-бы низкой ступени развитія они ни находились, — у самыхъ неразвитыхъ и самыхъ образованныхъ. Съ образованіемъ его начинается дальнѣйшее отвлеченіе: душа отключается отъ всего ея эмпирическаго содержанія и всѣхъ ея способностей, получается то чистое «я» — простое по составу, неизмѣнное, всегда себѣ равное и тождественное, каковы мы его описали въ началѣ; но это отвлеченіе съ опредѣленностію является у весьма немногихъ людей, хотя въ смутной формѣ у всѣхъ существуетъ и выражаетъ собою дѣйствительную природу самосознанія въ каждый изъ моментовъ его развитія.

Представленная въ предыдущемъ общая исторія возникновенія и развитія идеи «я» и личности, наглядно показываетъ, что идея эта, дѣйствительно, отличается чрезвычайно сложностію и на всѣхъ ступеняхъ своего развитія представляетъ въ своемъ составѣ множество элементовъ, объединяемыхъ, сначала идеею тѣла, затѣмъ идеею внутреннего состоянія, наконецъ, идеею души — субстанціи и духа. Далѣе, идея эта,

развиваясь изъ простѣйшихъ формъ и осложняясь постоянно, очевидно, измѣняется по своему составу, превращается постепенно и представляетъ нѣсколько формаций, изъ коихъ каждая включаетъ въ себя цѣликомъ предыдущую и входитъ въ свою очередь въ послѣдующую, чѣмъ и сохраняется непрерывность и единство личности, въ теченіе всей жизни. Но и этимъ не исчерпывается еще превращенія личности: въ каждомъ субъектѣ они слагаются изъ множества частныхъ формаций, сменяющихся одна другую, и притомъ у нѣкоторыхъ подвергаются особаго рода болѣзненнымъ измѣненіямъ.

Вполнѣ и окончательно сформировавшееся самосознаніе, или идея «я» — личности слагается у всѣхъ людей изъ этихъ трехъ сложныхъ состояній или формъ его, возникающихъ преемственно одна за другою и сливающихся въ одно, болѣе или мѣнѣе прочно организованное цѣлое, возникающее въ сознаніи въ томъ же видѣ и по тѣмъ же законамъ, какъ и всякія сложные состоянія, т. е. въ видѣ одного простаго акта. При этомъ, въ зависимости отъ различныхъ условій и обстоятельствъ жизни личности, въ самосознаніи является преобладающею то одна, то другая, то третья форма «я» и, при господствѣ одной, двѣ остальные отступаютъ на задній планъ и едва сознаются. Въ одномъ случаѣ человѣкъ сознаетъ себя преимущественно какъ живой организмъ — тѣло, съ его чисто физическими свойствами, силами и измѣненіями, какъ постоянными, такъ и существующими въ данный моментъ; въ другомъ преобладаетъ сознаніе внутреннихъ силъ — ума, воли, чувства, или качества, также качества нравственныхъ: въ третьемъ вниманіе сосредоточивается на душѣ, какъ особомъ существѣ, основѣ и послѣдней причинѣ жизни личности. Такимъ образомъ, содержаніе самосознанія и строеніе идеи личности, рассматриваемые въ томъ, что въ нихъ есть постоянного и общаго, строго говоря, не бывають никогда однимъ и тѣмъ же, не только въ періодъ своего постепеннаго развитія, но и по окончаніи его: если не его составныя части, то ихъ взаимное отношеніе бываетъ различнымъ въ различные моменты жизни и въ этомъ смыслѣ общій характеръ самосознанія можетъ измѣниться нѣсколько разъ въ теченіе одного дня и даже часа. Но, кромѣ

этихъ общихъ измѣненій и превращеній. составъ и содержаніе и идеи «я» у каждаго индивидуума подвергается множеству частныхъ, свойственныхъ одной ранной личности измѣненій въ теченіе жизни. Такъ, въ силу необходимой связи самосознанія съ представленіемъ внѣшняго, въ него всегда входятъ сложный образъ окружающихъ человѣка предметовъ, явленій и другихъ людей, съ которыми онъ находится въ такихъ или другихъ отношеніяхъ: сознавая себя, человѣкъ, потому, неизбежно представляетъ себя живущимъ въ такой-то мѣстности и въ такихъ-то постоянныхъ или временныхъ условіяхъ и отношеніяхъ съ другими людьми, принадлежащимъ къ такой-то націи, занимающимъ такое-то общественное положеніе, имѣющимъ какую-либо профессію и постоянную прозвонку въ день повторяющуюся дѣятельность. Съ измѣненіемъ всего этого, понятное дѣло, измѣняется и эта часть состава самосознанія. При этомъ, опять.—въ одинъ моментъ своей жизни человѣкъ представляетъ себя по преимуществу жителемъ такой-то мѣстности или неизмѣняемымъ постояннаго мѣстопребыванія, въ другой членомъ семьи или общества, націи, въ третій—въ самосознаніи преобладаетъ представленіе общественнаго положенія, профессію и т. п. Такого рода внутреннее измѣненіе самосознанія нерѣдко сопровождается полнымъ измѣненіемъ характера и дѣйствій человѣка, и личность становится какъ-бы совсѣмъ другою, превращается въ собственномъ смыслѣ въ отношеніи къ содержанію разсматриваемой части своей: человѣкъ снисходительный и ласковый, напримѣръ, какъ отецъ семейства и членъ общества—друга является суровымъ, недоступнымъ, когда сознаетъ себя, напримѣръ, начальникомъ, судьей; веселый и даже легкомысленный—становится серьезнымъ, важнымъ; смѣлый и рѣшительный—кажется и чувствуетъ себя робкимъ, стѣсненнымъ и т. п. Известно также, какъ иногда поразительно измѣняется самочувствіе и представленіе о себѣ у людей, ставшихъ изъ подчиненныхъ начальникамъ, и наоборотъ, изъ бѣдняковъ богачами, и наоборотъ и т. п.: какъ превращается самочувствіе и личность начальника въ присутствіи и даже при представленіи своего начальства, и у человѣка, занимающаго самую низкую ступень въ общественной иерар-

хіи, когда ему представляется возможность надъ кѣмъ-нибудь и надъ чѣмъ-нибудь повластвовать. Далѣе, каждому человѣку приходится нерѣдко входить въ положеніе другихъ людей и воспроизводить временно чужое самочувствіе и самосознаніе, возсоздавать въ себѣ чужое «я»—съ состраданіемъ или завистію, съ удовольствіемъ или отвращеніемъ. Въ этомъ случаѣ самочувствіе человѣка и самосознаніе какъ-бы подмѣняется на-время чужимъ. (Поэты, актеры). Рѣдкіе также свободны, особенно въ молодости, отъ разнаго рода мечтаній, въ которыхъ они представляютъ себя въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ, со всевозможными возвышенными качествами, героями всякихъ приключеній и т. п. Всѣ эти временныя измѣненія въ представленіи себя, какъ опредѣленныя состоянія и образы, разъ явившись, получаютъ нѣкотораго рода устойчивость, становятся способными къ воспроизведенію и повторенію, независимо отъ обстоятельствъ вызвавшихъ ихъ въ первый разъ. Кроме всего этого, у каждаго человѣка составъ содержанія идеи личности измѣняется и превращается, болѣе или менѣе правильно и опредѣленно, сообразно съ возрастомъ: у каждаго бываетъ дѣтское самосознаніе состоянія полной зависимости отъ родителей, безработности, незнанія зла мелкихъ дѣтскихъ интересовъ и приключеній. Продолжаясь довольно значительное время, въ предѣлахъ памяти,—это дѣтское самосознаніе, дѣтское «я» образуетъ прочно организованную формацію—представленіе: такая-же прочная ассоціація образуется въ періодъ отрочества, юности съ особыми отношеніями къ жизни, съ особымъ міросозерцаніемъ и массою событій: изъ этихъ формъ рѣзко выдѣляется самосознаніе и «я» періода зрѣлости и полного развитія всѣхъ силъ тѣла и духа: затѣмъ слѣдуетъ «я» наступающаго упадка силъ въ связи съ самодовольствомъ или раскаяніемъ, разочарованіями: наконецъ, «я» старческое—съ безучастнымъ созерцаніемъ окружающей жизни, нерѣдко съ возвратомъ къ дѣтству или съ думами о смерти и загробной судьбѣ. Всѣ эти и множество другихъ специальныхъ частныхъ формаций личности и самосознанія всегда, конечно, стоятъ въ соотношеніи съ общими и главными, составляющими основу и общій фонъ для всѣхъ ихъ, и въ связи съ разнаго рода со-

бытіями, изъ коихъ слагается жизнь человѣка, располагаются въ памяти въ болѣе или менѣе длинный рядъ, связанный по смежности во времени. Онъ начинается съ образованіемъ яснаго воспоминанія и оканчивается наличнымъ давнымъ состояніемъ личности—индивидуума. У каждого, понятное дѣло, этотъ рядъ свой особенный, слодный всегда въ большемъ или меньшемъ количествѣ пунктовъ съ рядами у другихъ людей, живущихъ въ одно время и при одинаковыхъ общихъ обстоятельствахъ и условіяхъ. Организованъ и связанъ этотъ рядъ тоже не съ одинаковымъ совершенствомъ у различныхъ людей: у однихъ, благо царя природной или ставшей навикомъ невнимательности къ своимъ состояніямъ и событіямъ жизни, также вследствие природной или приобрѣтенной слабости и неточности памяти.—онъ отличается неопредѣленностью, спутанностью и сложностью: у другихъ всѣ главныя формы самосознанія и всѣ событія, съ ними связанныя такъ или иначе, расположены въ строгомъ и опредѣленномъ порядкѣ, соответственно порядку прошлой дѣйствительности,—что у людей культурнымъ облегчается значительно ассоціаціею событій жизни и внутреннихъ измѣненій съ числами дней, мѣсяцевъ, годовъ и иногда записями. Между этими крайними пунктами—самой низкой и непрочной и самой высокой и правильной организаціею всего содержанія прошлой жизни—существуетъ цѣлая скала градаций, которыя трудно выяснитъ и опредѣлитъ. Но при этомъ самый внимательный и памятный человѣкъ не можетъ все-таки ясно воспроизвести и тысячной доли всего пережитаго имъ и припомнитъ въ частности всѣ формы и видоизмѣненія своего самосознанія. Смутное общее сознание—чувство всѣхъ этихъ пережитыхъ измѣненій и превращеній присуще въ каждый моментъ самосознанія и всякій разъ, потому, присуще въ каждомъ частномъ случаѣ яснаго возникновенія идеи я: только по временамъ часть нѣкоторая возникаетъ съ опредѣленностью, и въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ встаетъ передъ человѣкомъ вся его прошлая жизнь въ важнѣйшихъ ея моментахъ, и исчерпывается, раздѣльно возникаетъ въ сознаніи все содержаніе личности, реализуется полная, въ существенномъ, идея его «я».

Представленный бѣглый и далеко не полный очеркъ измѣ-

неній и превращеній личности и идеи «я» показываетъ, что взятое во всемъ объемѣ самосознаніе человѣка средняго возраста и съ среднимъ богатствомъ жизненнаго опыта и перемѣнъ—представляетъ собою цѣлую громадную колонію, во всякомъ случаѣ очень многочисленную, разныхъ представленій «я» разныхъ идей личности, разныхъ по составу формаций ея. Каждая изъ нихъ стоитъ въ связи и соотношеніи съ общимъ составомъ этой идеи и со всѣми частными формами: но каждая въ то-же время есть опредѣленное, въ себѣ замкнутое и болѣе или менѣе прочно организованное и сплоченное цѣлое. Этотъ фактъ многочисленности и разнообразія, по составу представленій, собственнаго «я» и личности у каждого человѣка, прежде всего, если не вполне объясняетъ, то во всякомъ случаѣ освѣщаетъ многочисленныя и иногда странныя превращенія личности въ сновидѣніяхъ, душевныхъ болѣзняхъ и состояніи гипнотизма или искусственнаго сомнамбулизма, какъ это состояніе называли въ началѣ текущаго столѣтія. Въ душевной дѣятельности во время сна, извѣстной подъ именемъ сновидѣній, человѣкъ очень рѣдко сознаетъ себя тѣмъ-же самымъ, какимъ сознавалъ въ бодрственномъ состояніи за секунду даже до погруженія въ сонъ: онъ представляетъ себя обыкновенно другимъ лицомъ, въ другой совершенно обстановкѣ, въ другихъ условіяхъ жизни. При этомъ весьма часто, какъ это, конечно, извѣстно каждому по опыту, разные представленія личности спутываются и переплетаются или-же различныя формы ея быстро смѣняются одна другою и ставятъ человѣка въ самыя неожиданныя и невѣроятныя положенія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ, и во всякомъ случаѣ въ большинствѣ ихъ, по всей вѣроятности, происходитъ простое воспроизведеніе прежде бывшихъ въ бодрственномъ состояніи измѣненій и формъ самосознанія, хотя эти измѣненія были моментальными и незамѣтными, а потому неудержаны памятью. И чѣмъ мимолетнѣе какая-либо форма, тѣмъ болѣе она имѣетъ шансовъ возникнуть во время сна. Вотъ почему намъ кажется весьма часто какое-нибудь представленіе себя во снѣ не приходило и не могло придти намъ въ голову въ бодрственномъ состояніи: на самомъ дѣлѣ оно было, конечно, въ другой нѣсколько формѣ, было,

напр. въ состояніи мечтаний и построеніи воздушныхъ замковъ или подъ вліяніемъ наблюденія другихъ людей, природы окружающей и т. п. — Кромеъ пограничныхъ и нормальныхъ, существуютъ еще болѣзненные превращенія личности. Болѣзненные превращенія личности тожд. въ большинствѣ случаевъ имѣютъ реальную основу въ прежнихъ формаціяхъ самосознанія. при этомъ причина ихъ укрѣпленія и преобладанія доселѣ неослѣжима, хотя несомнѣнно имѣетъ физическую причину въ измѣненіяхъ организма, невидимымъ образомъ измѣняющую дѣятельность души. Превращенія эти могутъ быть распределены на три группы, сообразно тремъ главнымъ составнымъ частямъ идеи «я». Первая имѣетъ основаніе въ измѣненіи общаго чувства организма, т. е. органическихъ и мышечныхъ чувствъ. Всѣ они начинаютъ восприниматься какъ-то иначе, а нѣкоторыя вовсе исчезаютъ, напр. мышечныя, кожныя и т. п. Человѣку въ этомъ состояніи кажется, что онъ сталъ со-всѣмъ другимъ лицомъ, что — прежній онъ умеръ, что онъ сталъ безплотнымъ духомъ. При дальнѣйшемъ развитіи болѣзни, неопредѣленное сначала превращеніе наполняется содержаніемъ, и человекъ начинаетъ воображать себя какимъ-нибудь опредѣленнымъ лицомъ, при чемъ матеріалъ для этого представленія берется изъ какой-нибудь преяде бывшей временно формы самосозанія и «я» и только раскрашивается въ подробности. Вторая форма превращенія болѣзненной личности коренится въ измѣненіи сознанія своихъ собственныхъ внутреннихъ силъ — ума, чувства и воли. Подъ вліяніемъ его, человекъ сознаетъ себя, наприм., великимъ гениемъ — изобрѣтателемъ, ученымъ, поэтомъ, реформаторомъ, царемъ, богомъ, наконецъ. И все это въ большинствѣ случаевъ представляетъ видоизмѣненіе представленій о себѣ въ нормальномъ состояніи, *via desideria*, которымъ человекъ предавался, можетъ быть, въ своихъ мечтахъ. Особую форму этого расстройства и превращенія личности составляетъ такъ называемое крутое помѣшательство, когда человекъ попеременно и большою частію, периодически воображаетъ себя то однимъ, то другимъ лицомъ. Третья группа расстройства личности въ формѣ превращенія имѣетъ источникъ въ измѣненіи идеи души, какъ

основы всей жизни личности. Въ этомъ случаѣ человекъ перестаетъ сознавать себя разумнымъ существомъ, находитъ, что онъ просто машина, наприм., локомотивъ, или неразумное животное — волкъ, быкъ, птица — и ведетъ себя сообразно съ этимъ представленіемъ. Опять здѣсь могутъ играть роль прежніе дѣйствительные, можетъ быть, опыты человека представлять себя такъ, — бывшіе въ нормальномъ состояніи. По крайней мѣрѣ, относительно сознанія себя волкомъ сдѣлано наблюденіе, что въ средніе вѣка, когда была вѣра въ возможность такого превращенія — помѣшательство весьма часто выражалось въ этой формѣ — въ формѣ ликотропіи. Теперь случаи такого рода чрезвычайно рѣдки. Значитъ, въ болѣзненномъ состояніи самосознаніе, измѣнившись, подмѣнялось бывшимъ прежде опытомъ представлять себя волкомъ. Случаи превращенія личности въ гипнотизмѣ замѣчательны особенно въ томъ отношеніи, что измѣненіе самосознанія въ гипнотизированномъ можетъ быть, по произволу, произведено путемъ внушенія.

Описанный нами фактъ постепеннаго образованія идеи субъекта — «я», или личности, ея превращеній и измѣненій въ теченіи жизни индивидуума, ея мультипликаціи — удвоенія, утроенія, наконецъ, ея разложенія и какъ-бы уничтоженія въ живой человеческой особи, — фактъ этотъ, со времени Юма, пожалуй, даже Локка, приводится какъ доказательство противъ единства и тождества сознающаго субъекта, его слѣдовательно постоянства и неизмѣнности, среди разнообразія и смѣны явленій душевной жизни, а затѣмъ и его особенности и субстанціальности. Но въ дѣйствительности здѣсь нѣтъ достаточнаго основанія для такого отрицательнаго вывода, даже нѣтъ, можно сказать, никакого основанія. Напротивъ, всѣ многочисленныя наблюденія надъ возникновеніемъ и жизнью личности въ нормальномъ ея состояніи и при болѣзненныхъ расстройствахъ, правильно понятыя и оцѣненные, служатъ самымъ лучшимъ въ настоящее время подтвержденіемъ того, что въ основѣ всѣхъ измѣненій внутренней жизни человека лежитъ дѣйствительно нѣчто единое, всегда себѣ равное по своему существу, неизмѣнное въ способахъ своей дѣятельности, при всемъ безконечномъ разнообразіи содержанія этой дѣятельно-

сти: что это единое, тождественное и неизмѣнное есть особое начало сознающее, т. е. начало, вносящее единство въ разнообразіе внутреннихъ измѣненій, воспринимающее ихъ и дѣлающее ихъ объектомъ своего созерцанія, а въ нихъ и черезъ нихъ становящееся себѣ самому объектомъ, при помощи созерцанія отражаемаго въ нихъ своего собственнаго единства, постоянства и неизмѣнности. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, — что при всякомъ измѣненіи въ содержаніи и направленіи самосознанія, при всякомъ превращеніи и измѣненіи плен «я», или представленія человѣка о себѣ самомъ, — общій планъ построения этой идеи, схема ея, въ которую укладывается измѣнившееся содержаніе, группируются новые элементы, остается однимъ и тѣмъ же: всѣ измѣненія, состоянія, дѣйствія всегда относятся къ одному постоянному пункту, всѣ отсюда освѣщаются какъ принадлежность, свойство измѣненія одного и отсюда получаютъ характеръ и смыслъ. Думаетъ ли человѣкъ о себѣ, какъ только о тѣлесномъ существѣ и непосредственно отождествляетъ себя съ тѣломъ, или сознаетъ себя носителемъ духовныхъ силъ и свойствъ, или, наконецъ, соединеннымъ съ плотію духомъ, онъ чувствуетъ себя единымъ, а всѣ измѣненія свои принадлежностью этого единаго. При этомъ логичность, внутренняя связность и единство самыхъ даже неопредѣленныхъ, болѣзненныхъ формъ самосознанія и «я» — поразительна. Человѣкъ, вообразившій себя царемъ, думаетъ и чувствуетъ и дѣйствуетъ какъ царь: вообразившій себя птицею, звѣремъ во всемъ стремится поступать какъ звѣрь или птица. — и такъ абсолютно во всѣхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, личность въ самосознаніи всегда является какъ замкнутое цѣлое, имѣющее средоточіе. Въ послѣдовательномъ или одновременномъ удвоеніи или раздвоеніи личности, образованіи двухъ противоположащихъ или преемственно слѣдующихъ и взаимно даже вытѣсняющихъ другъ друга самосознаній, съ различнымъ или даже противоположнымъ содержаніемъ, наблюдается тоже явленіе внутренняго единства, средоточія и одинаковой организаціи каждаго изъ этихъ самосознаній. Отсюда прямо слѣдуетъ, что въ душевной жизни всегда присутствуетъ какая-то сила, принципъ, который, во великій данный моментъ и при всякомъ данномъ со-

держаніи и направленіи душевной дѣятельности, централизируетъ ее, организуетъ въ одно цѣлое, сводитъ всегда къ одному ведѣльному, себѣ равному пункту — «я». Эта сила одна оказывается устойчивою и постоянною среди непрерывнаго теченія душевной жизни и измѣненія ея содержанія: она группируетъ около себя и объединяетъ себѣ свои различныя явленія, въ каждый данный моментъ, облекаясь при этомъ въ различныя формы, какъ бы играя различныя роли, опредѣляется общими условіями и частными обстоятельствами всякаго отдѣльнаго человѣка. Призракомъ, такимъ образомъ, оказывается не она, какъ думаютъ психологи, отрицающіе единство и неизмѣнность личности, а эти ея различныя превращенія, измѣненія, мультипликаціи, какъ ея временныя, чисто случайныя формы, ея роли, которыя она сознательно принимаетъ на себя, или вынуждается принимать на себя обстоятельствами жизни, состояніемъ организма, съ которымъ неразрывно связана, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ его болѣзненными измѣненіями и расстройствами. Сама въ себѣ она при этомъ также мало измѣняется и превращается какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ разные моменты обнаруживаетъ различныя способности и силы свои, т. е. въ одно время сосредоточивается въ познавательной дѣятельности, созерцаетъ и мыслитъ, въ другое предается волненію, становясь какъ-бы однимъ болѣе или менѣе бурнымъ движеніемъ, иногда вовсе лишенымъ мысли и представленія: въ третьемъ случаѣ обнаруживаетъ силу стремленія, сосредоточивается въ преслѣдованіи цѣлей внѣшнихъ и внутреннихъ, въ обнаруженіи дѣятельности и внутренней энергіи и т. п. Въ каждомъ изъ этихъ состояній сила дѣйствующая можетъ находиться продолжительное время, сохраняя постоянно готовность перейти въ другое, третье, комбинируя, затѣмъ, эти состоянія въ различныхъ пропорціяхъ. При этомъ она остается одною и тою-же, измѣняется только направленіе и содержаніе ея дѣятельности. Въ превращеніяхъ нормальныхъ и болѣзненныхъ, внушеніяхъ и т. п. самосознанія и личности повторяется тоже самое: сила самосознающая, полагающая себя какъ недѣлимое, простое «я» одна и та же, мѣняется только матеріалъ, въ которомъ и черезъ который осуществляется са-

мосознаніе при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Матеріаль этотъ, подъ вліяніемъ чиста внѣшнихъ обстоятельствъ, внѣшнюю силу можетъ раздробиться на нѣсколько болѣе или менѣе устойчивыхъ группъ, изъ коихъ каждая становится способною стать особою формою самосознанія, давая средства организовать изъ себя единае цѣлое. Они будутъ слѣдовать другъ за другомъ въ быстромъ преемствѣ, ежеминутно смѣняя другъ друга съ такою быстротою, которая легко возбуждаетъ иллюзію ихъ одновременности. Тогда возникаетъ обманъ раздвоенія, утроенія личности, хотя въ дѣйствительности это будутъ всегда различныя формы дѣятельности одного и того-же самосознающаго начала, два или три, преемственно слѣдующія, измѣненія въ содержаніи, направленіи, наличныхъ средствъ и матеріалѣ этой дѣятельности, или двѣ, три устойчивыя группы состояній, объединяемыхъ самосознающею силою будутъ возникать, благодаря внѣшнимъ условіямъ, черезъ правильные болѣе или менѣе продолжительные періоды, и тогда явится иллюзія двойнаго существованія, двухъ духовныхъ жизней, различнаго направленія и содержанія.

Такимъ образомъ, всѣ измѣненія и превращенія идеи «я», личности и самосознанія прямо и очевидно свидѣтельствуютъ о единствѣ лежащей въ ихъ основѣ силы, о ея постоянномъ и неизмѣнномъ тождествѣ. И это при томъ предположеніи, что между различными формами идеи «я» и личности нѣтъ никакой связи, доступной наблюденію, и что общее единство жизни личности разрушается окончательно, т. е., наприм., два самосознанія, два «я» одного и того-же человѣка не объединяются въ какой-нибудь третьей общей имъ формѣ, въ которой они хотя-бы смутно чувствуются, какъ состоянія одного и того-же существа. Но въ дѣйствительности такого полного раздѣленія никогда не бываетъ, не только при превращеніяхъ содержанія идеи «я» и личности, естественныхъ удвоеніяхъ и утроеніяхъ ея, но даже въ самыхъ рельефныхъ болѣзненныхъ формахъ такого превращенія и раздвоенія. Относительно нормальныхъ измѣненій содержанія самосознанія это нигдѣ и не отрицается, потому что здѣсь всегда сознается предыдущая форма самосознанія, болѣе правильная и устой-

чивая, при раздвоеніи сознается внутренняя связь и единство, общая основа двухъ направленій самосознанія—только съ меньшею ясностію и опредѣленностію, чѣмъ это бываетъ обыкновенно—и, кромѣ того, готовы возникнуть всѣ другія формы, бывшія когда-либо и сохранившіяся въ памяти. Они тогда представляютъ одно цѣлое и непосредственно сознаются какъ измѣненія одного начала и неизмѣнно группируются около этого единаго, какъ его общее содержаніе и принадлежность. Въ случаяхъ болѣзненного измѣненія и раздвоенія разрывъ господствующей иллюзорной формы самосознанія съ предыдущими и со всѣмъ прошлымъ содержаніемъ кажется полнымъ, но это только кажется.—съ одной стороны, вслѣдствіе того, что, болѣею частію, эти измѣненія наблюдаются людьми, ищущими доказательствъ полнаго разрыва и разрушенія общаго единства личности, съ другой—вслѣдствіе трудности узнать отъ душевно больного человѣка то, какъ онъ себя чувствуетъ и сознаетъ рядомъ и одновременно съ подавляющими его иллюзіями и галлюцинаціями. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что хотя смутно, временно и по частямъ—прежнія формы самосознанія возникаютъ, и наличная форма ставится съ нимъ въ соотношеніе и связь, сознаваясь какъ часть и случай измѣненія одного и того-же. При этомъ обыкновенно выступаетъ съ болѣею опредѣленностію какая-либо изъ болѣе устойчивыхъ и привычныхъ формъ самосознанія: въ однихъ случаяхъ это бываетъ физическое самосознаніе, въ другихъ выступаетъ личность духовная.

Отвѣтъ на вопросъ, въ виду всего этого, о томъ, что это за сила, объединяющая всегда наличное содержаніе самосознанія и себя, наблюдающая въ немъ и черезъ него, —можетъ быть только одинъ: сила эта есть особый, духовный агентъ—душа—субстанція—особое существо, связанное съ тѣломъ и отъ него отличное. Правда, такой отвѣтъ есть своего рода гипотеза, но гипотеза, вынуждаемая необходимостію и потому грашущая съ дѣйствительностію. Она одна дѣлаетъ сколько-нибудь понятнымъ и представимымъ весь процессъ самосознанія въ его разнообразіи. Подставьте вмѣсто субстанціи духовной, какъ основы и дѣятеля въ самосознаніи и объеди-

ни личности, матеріальный организмъ, тѣло—и все въ этомъ явленіи становится темнымъ, непостижимымъ и необъяснимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, положеніемъ противннковъ субстанціально-сти, сознающаго и самознающаго начала въ человѣкѣ, что основой единства самознающаго служитъ тѣло и присущее ему общее чувство, называемое новымъ словомъ «целестезія», съ котораго, какъ мы видѣли, дѣйствительно, начинается сознание.—положеніемъ этимъ не только ничего не объясняется, но даже объясненіе и не пишется. Общее чувство организма есть состояніе сознанія и виѣ его существовать не можетъ: для того, чтобы чувство это организовалось въ одно цѣлое состояніе изъ различныхъ элементовъ, входящихъ въ его составъ,—элементовъ весьма многочисленныхъ, необходимо предположить нѣкоторую объединяющую силу и притомъ силу сознающую. Силу эту нельзя считать свойствомъ организованнаго вещества, какъ это было показано уже, и—общезвѣстно. Во всякомъ случаѣ, производство сознанія изъ движенія вещества есть самая плохая изъ всѣхъ существующихъ гипотезъ. Но для объясненія самосознанія, самооткрытія субъекта себѣ—самому въ своемъ единствѣ, нужно сдѣлать еще шагъ, который уже ведетъ матеріализмъ прямо въ область абсурда. Признавая основой и дѣятелемъ, производящимъ самосознаніе, общее чувство организма — целестезію, которая возникаетъ съ его точки зрѣнія, неизвѣстно какъ, въ качествѣ добавки къ первымъ процессамъ въ мозгѣ. — онъ долженъ вообразить, что эта добавка, — этотъ призракъ воспринимаетъ самого себя, какъ единство, смотритъ на себя и думаетъ о себѣ, организуетъ и объединяетъ затѣмъ всѣ измѣненія самосознанія. Надо имѣть слишкомъ большое предубѣжденіе и ненависть ко всему духовному и большой навыкъ обходить трудности и мириться съ несообразностями въ мысли, чтобы не видѣть въ подобномъ предположеніи верха нелѣпости. Въ сущности, все это построеніе даже не вообразимо и не осуществимо въ нашей мысли. Признаніе особаго—сознающаго и самознающаго—начала духовнаго не только устрашаетъ всякіе абсурды въ родѣ указаннаго, но вполне удовлетворительно объясняетъ все въ области явленій самосозна-

нія, при чемъ въ этихъ явленіяхъ открываются до извѣстной степени и общія формы бытія самознающаго начала, его индивидуальность и особность въ каждомъ сознающемъ существѣ, —въ данномъ случаѣ, въ человѣкѣ. — Мы видѣли, что самое бытіе мыслящаго и сознающаго, —противоположнаго матеріальному—безсознательному, начала есть фактъ, по меньшей мѣрѣ такой же очевидный, какъ и бытіе начала матеріальнаго, а въ дѣйствительности болѣе очевидный и непосредственно — прямо данный. Въ явленіяхъ самосознанія это начало открывается какъ абсолютно недѣлимая, въ себѣ замкнутая реальность, недѣлимый пунктъ энергій, живой и развивающийся въ связи и соотношеніяхъ съ матеріею. Его основное свойство—сознаніе, т. е. различеніе и отождествленіе или сравненіе и идеальное отображеніе всего, съ нимъ соприкасающагося матеріальнаго, а затѣмъ и своихъ собственныхъ измѣненій и дѣяльностей, какъ основное свойство матеріи есть безсознательность и неспособность къ самоотраженію. Изъ этого двойнаго отраженія—матеріи въ ея формахъ и себя въ своихъ дѣяльностяхъ, въ связи съ различеніемъ—сравненіемъ всего состоитъ жизнь и дѣятельность этого пункта энергій, этого атома *vis genetica*, или монады, какъ жизнь атома матеріальнаго состоитъ въ слѣпыхъ сочетаніяхъ съ другими атомами и въ образованіи этимъ путемъ сложныхъ движеній и дѣяльностей вещества.

Всѣмилнъ Снегиревъ.